

Л.Д. Блок: Письма из прифронтового госпиталя. 1914–1915

2 ноября 1914 г., через 3 месяца после начала Первой мировой войны, в Петрограде вышел первый номер еженедельного журнала «Отечество», который выходил до 29 мая 1915 года. Журнал имел подзаголовок «Иллюстрированная летопись». Первые три номера вышли с красно-черно-белой обложкой М. Добужинского, на которой был изображен Георгий Победоносец, опирающийся на пушки и разящий змея, а также щит с двуглавым орлом. До 7 номера на обложке значился еще один подзаголовок – «Народная война».

Редактором-издателем журнала был З.И. Гржебин. Активное участие в нем принимали Л.Н. Андреев, П.Е. Щеголев, Е.В. Аничков, А. А. Блок, И.А. Бунин, Е.И. Замятин, Вяч. Иванов, А.М. Ремизов, Ф. Сологуб, Тэффи, сестры Ал. и Ан. Чеботаревские, К.И. Чуковский и многие другие известные писатели и художники (Ю. Анненков, А.Н. Бенуа, И. Билибин, Б. Кустодиев, Реми, И.Е. Репин, Л. Пастернак и др.).

Журнал публиковал репортажи, стихи и рассказы, перемежая их богатым иллюстративным материалом – фотографиями, репродукциями картин, сатирическими зарисовками. С первого же номера в нем появился раздел «Свойны. Письма участников»: фронтовые письма или записки дневникового характера, как правило – безымянные или подписанные литерой: поручика-пехотинца, артиллерийского капитана. В № 4 (23 ноября), рядом со стихами Н. Гумилева и статьей П.Б. Струве «Чему война учит и к чему она обязывает», были напечатаны «Отрывки из писем сестры милосердия», подписанные «Л.Б.».

Тем, кто изучал биографию Блока и читал его письма к жене, сегодня хорошо известно, что автор этой анонимной публикации – жена поэта Любовь Дмитриевна¹. Письма Блока к жене полностью опубликованы². Письма

---

¹ Некоторые из этих фрагментов цитируются в кн.: Галанина Ю.Е. Любовь Дмитриевна Блок. Судьба и сцена. М., 2009. С. 194-195.

Л.Д. Блок хранятся в фонде Блока в РГАЛИ (Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 159-167). История появления этих писем в журнале прослеживается по переписке Блока с женой в октябре-ноябре 1914 г. и записным книжкам этого времени.

3 ноября Блок отмечает в записной книжке: «Телефон от А.Н. Чеботаревской (просит отрывки из Любиных писем в “Отечество”). Занятия. Посылаю отрывки из писем милой в журнал»³. 9 ноября он сообщил об этом Л.Д. Блок: «Среди тучи журналов есть один недурной – «Отечество» – издаваемый Щеголевым и Гржебиным. На днях я послал туда много отрывков из твоих писем, так что ты скоро будешь пропечатана с маленькими хозяйскими исправлениями. Называться это будет “Из писем сестры милосердия”. Первый № этого журнала я тебе послал» (ЛН-89. С.336). После выхода журнала с письмами Любови Дмитриевны Блок 26 ноября информирует ее: «Выдержки из твоих писем напечатаны в «Отечестве», №4 (пришлю после). Цензура порядочно выбросила. Подписано – Л.Б. Один хозяин знает, кто за этой подписью укрылся» (ЛН-89. С.340). Журнал дошел до Л.Д. Блок только в декабре: «Ах, Лала, «каков подлец»! – напечатал заячьи каракули и выставил его дураком на весь свет!» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 100), - шутливо сетует она в письме от 26 декабря.

Из приведенных высказываний становится ясно, что Блок сам произвел выборку небольших отрывков из первых писем жены за сентябрь – октябрь 1914 г., а затем над текстом «поработал» еще и военный цензор. Тема цензуры в письмах Блока возникала не один раз, и не только в связи с публикацией в «Отечестве». 11 октября Блок сообщает, что лично беседовал с цензорами о допустимой и недопустимой информации в переписке: «Моя милая, я боюсь, что ты все еще не получаешь писем. Прошное письмо я послал тебе с указанием места, но потом пошел к нескольким военным цензорам, и все они не советовали указывать. Пока еще распоряжений о том, что можно писать, ука-

² Литературное наследство. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене. М., 1978. Далее все ссылки на это издание даются в тексте (ЛН—89) с указанием страницы.

³ Блок А.А. Записные книжки. 1900-1921. М., 1965. С. 246. Далее все ссылки на это издание (ЗК) даются в тексте, с указанием страницы.

зывая место, нет. Пишу по-прежнему, иначе, боюсь, не дойдет» (ЛН-89. С. 332-333).

Сверка текста публикации в «Отечестве» с письмами Л.Д. Блок показывает, что цензура не только уничтожила малейшие намеки на расположение госпиталя, но и все, что касалось условий работы. рассказы Л.Д. о запущенных помещениях, которые сестрам пришлось приводить в порядок, о количестве раненых, о сложностях с медперсоналом и т.п. Так, 19 сентября Л.Д. Блок писала: «У меня 25 кроватей, больных 23. Я сама устроила всю палату – получила комнату, заваленную всяким военным и госпитальным хламом. В этом здании были последовательно всевозможные учреждения. Во время осады тут стояли войска – в сарае временные телефонные будки, следы стоянки лошадей. Потом тут был австрийский госпиталь, потом русский черниговский с монахами и, наконец, наш. В результате мы получили совершенно загрязненное помещение, первоначально хорошее. А в коридорах на Бог знает, каких койках, в грязи были свалены около 200 раненых, которых мы и принимали. Несколько дней с 6-ти часов утра до 11 вечера мыли их, переносили в очищенные помещения и перевязывали. Присаживались, буквально, только на полчаса за обедом, да минут на 10 за чаем вечером, а потом без оглядки валились спать. И вот в результате у меня очень хорошая, большая, светлая палата, кровати чистые, все перевязаны. У меня нет очень тяжелых и трудных больных, они попали к опытным сестрам; есть с ужасающими ранами. Но одному моему пришлось сделать вчера ампутацию ноги. Удивительно, как они все это переносят – сегодня он уже хохотал над какой-то шуткой. На операциях мы, сестры, делаем очень легкую работу – доктора все делают сами, даже бинтуют, чего не было в Александровской больнице. Только в палате все еще порядочно работы, пока сделаешь каждому, что ему нужно» (РГАЛИ. Ф. 55. Ед. хр. 165. Л. 48-49). Цензор уничтожает не только упоминание об австрийском и черниговском госпитале, но и почти весь рассказ Любове Дмитриевны о том, какая грязь царила в помещениях и какие «ужасающие раны» были у солдат. В письме от 28 сентября цензор уже в

корректуре выбрасывает упоминание о запущенных раненых: «Первых то раненых мы получили пролежавших 2 недели в больнице в ужасных условиях, и они были апатичны и только о своих болячках и думали». В том же письме при описании ночного дежурства выброшено упоминание о том, что 400 раненых обслуживают только 2 сестры (РГАЛИ. Ф. 55. Ед. хр. 1. Л. 51-53).

За полгода службы в военном госпитале 5-й Кауфманской общины во Львове Любовь Дмитриевна написала Блоку не менее 37 писем и отправила 6 телеграмм. Первые 10 писем присланы в конвертах с адресом, написанном рукой Блока: очевидно, он дал жене в дорогу пачку уже надписанных конвертов. Многие из писем, особенно – дорожные, написаны графическим или химическим карандашом, одно из писем, уже из госпиталя – на рецептурных бланках. Сотрудники РГАЛИ пытались подготовить переписку Блока с женой к научному изданию, однако до сих пор их усилия не увенчались успехом, изданы лишь письма самого Блока и в примечаниях приведены отдельные фрагменты из ее писем. И ни одно из писем из военного госпиталя до сих пор не публиковалось полностью. Этот эпизод в их совместной жизни биографами Блока неизменно упоминался во всех его более или менее подробных жизнеописаниях, однако переписка этого времени никогда не анализировалась, хотя ее источниковедческая ценность выходит за пределы личных биографий ее участников.

Кратко остановимся на обстоятельствах, предшествующих написанию первого письма с почтовым штемпелем 3 сентября 1914 г., посланного еще с дороги в действующую армию, из Пскова.

К лету 1914 г. взаимоотношения Блока с женой нельзя назвать иначе, чем кризисными. Любовь Дмитриевна уже два года была поглощена романом с молодым актером К.К. Кузьминым-Караваевым (впоследствии, в 1929 - 1935 гг. главный режиссер БДТ К. Тверской). Для Блока этот роман не был секретом, - супруги вообще не делали тайны из своих увлечений. Любовь Дмитриевна месяцами жила в Житомире, куда Кузьмин-Караваев был при-

зван на военную службу в 1912 г., а затем, в 1913 г. в Бердичеве, куда он был переведен. В начале 1914 г. состоялось знакомство Блока с певицей, актрисой Музыкальной драмы, знаменитой исполнительницей роли Кармен и будущей героиней одноименного цикла Л.А. Андреевой-Дельмас. Встреча переросла в яркое глубокое взаимное чувство, - этот эпизод биографии Блока хорошо освещен в литературе о нем.

По странной иронии судьбы 7, 10 и 11 апреля 1914 г. в зале Тенишевского училища состоялось представление «Балаганчика» и «Незнакомки», поставленных Мейерхольдом, с участием Л.Д. Блок и К. Кузьмина-Караваева. При этом Кузьмин-Караваев играл автобиографических героев Блока - Пьеро в «Балаганчике» и... Поэта в «Незнакомке», иными словами – он, вольно или невольно, заместил на сцене самого Блока. 10 и 11 апреля Блок пришел на это представление с Л.А. Дельмас: любовный треугольник превратился в «любовный квадрат». И хотя Блок и Любовь Дмитриевна, несмотря на постоянные разлуки, по-прежнему сохраняли общий дом и родственные взаимоотношения, однако супруги уже всерьез размышляли о том, чтобы жить отдельно, о формальном разводе.

В июле 1914 г. Л.Д. Блок играла в Куоккале. После объявления войны она поспешила перебраться в Петербург и уже 7 августа поступила на краткосрочные курсы при Кауфманской общине сестер милосердия, - дата зафиксирована в записной книжке Блока (ЗК. С. 236). Не исключено, что на войну она захотела отправиться вслед за К.К. Кузьминым-Караваевым, который служил в разведывательном батальоне. Но ее ожидала действительно тяжелая – тяжелая и психологически, и физически – работа. По воспоминаниям одной из сестер Кауфманской общины М. Варнек, волонтерки даже успели в течение месяца пройти практику в Александровской больнице. Накануне отправки в действующую армию волонтерки были приглашены на чаепитие к баронессе В. Иксуль: «На другой день после чая у баронессы некоторым из волонтерок было сказано, чтобы они в больницу больше не приходили, так как они сестрами милосердия быть не могут. Оказывается, этот прием был устро-

ен баронессой, чтобы лучше рассмотреть, что собой представляют ее будущие сестры. Забраковала она тех девушек, которые были недостаточно скромно одеты и, вероятно, слишком развязны». Но Любовь Дмитриевна этот дополнительный экзамен выдержала успешно.

Меньше, чем через месяц, 3 сентября Блок отмечает: «Люба уезжает: 11-37 с товарной станции Варшавского вокзала. – Поехала моя милая» (ЗК. С. 238). Л.Д. Блок была зачислена в 5-й госпиталь Кауфмановской общины, под патронажем и на средства семьи капиталиста-мецената М.И. Терещенко, близкого друга Блока.

Письма Л.Д. Блок с дороги, а затем с места службы – ценный источник не только для биографов поэта, но и для изучения военного быта Первой мировой войны. Письма убедительно демонстрируют эволюцию общественного умонастроения от патриотической эйфории до разочарования и апатии. Первые эшелоны с сестрами милосердия отправляются под аплодисменты, купе переполнены цветами и конфетами: «В вагоне хорошо, цветы и вдосталь конфет» (письмо от 3 сентября), «Едем хорошо. Все веселы и дружны» (письмо от 5 сентября); «Время проводим хорошо – читаем свои ученые <книжки>, едим конфеты и спим вдосталь. Доктора читают нам коротенькие лекции по разным вопросам, которые нам надо знать. Даже англичанин; я слушала, поняла кой что. Все заботы и беспокойства – как отрезало – еду совсем спокойно, как ни в чем не бывало. И другие так же <...> А графиня Бобринская, другого отряда, везет с собой двух собачонок и двух горничных для них» (письмо от 6 сентября) «Провела сегодняшнюю ночь в чудесной гостинице, брала ванну, ужинала, завтракала – все по приглашению и на счет Е. М. Терещенко» (письмо от 8 сентября). «Пока что – мучительного, связанного с войной – ничего не видели, а занятного, из какого-нибудь романа точно – много: то сестры милосердия в 8 ч. утра пьют кофе в отдельном кабинете с <исчирканными?> зеркалами, поезда воинские встречаем, спрашиваем друг друга – куда и откуда, солдаты кричат нам «счастливо», а наши им...» (письмо от 8 сентября). Как и многие, Л.Д. не только верит в скорую победу,

но даже опасается, что она на войну опоздала: «Вообще теперь раненых почти нет – нет боев. У нас такое чувство, что мы опоздали и приехали на легкую работу, которую можно делать и дома» (письмо от 11 сентября).

Однако очень быстро праздничная атмосфера сменяется тяжелой физической работой: «...Видели наше помещение. Это кадетский корпус и там можно хорошо устроиться. Больных там уже много, пока они в ужасных условиях и мы страшно хотим, чтобы они скорее попали в наши руки» (письмо от 12 сентября). И уже через неделю Л.Д. сообщает: «Первый раз за это время могу посидеть на месте часок, никуда не спеша. Сажу в моей палате, в третьем этаже корпуса – бывшем дортуаре кадетов <...> Странно, ничего не знаешь, что на свете творится, все куда-то отошло – только вот эти 23 человека и – поспать» (письмо от 19 сентября). Количество раненых с каждым письмом увеличивается, как и ширятся обязанности сестры: «Не столько тяжела работа, сколько ответственность. Сейчас уже на моей совести 45 человек – вчера привезли раненых при <1 сл. нрзб.>. Врач, заведующий моей палатой – неопытный и какой-то легкомысленный; он почувствовал, что я все равно буду обо всем заботиться и внутренне всю палату взвалил на меня. Я говорю ему, что делать, а не он мне; говорю, кого и где осмотреть, кого перевязать, а он старается увильнуть. И в результате у меня во дню ни одной секунды похожей на приятную, хотя иногда гуляю $\frac{1}{2}$ часа по красивому саду <...> Комната моя такая совсем – неуютная и холодная). Но в отношении «работы» - лучшая. Я и ожидать не могла – сама хозяйка в своей палате, делаю самостоятельно перевязки, никто мной не командует; старшая сестра отлично относится. Но это безысходная ответственность, каждую секунду – вот, что, в конце концов, заставит устать, а может быть и привыкнешь? Тогда будет очень хорошо; интересного много, но пока все мимо. Приехавшие раненые три дня тому назад были в бою и рассказы прямо их распирают – трещат все время» (письмо от 28 сентября). «А тут дирижабль летел у самых наших окон и садит вблизи за нашим парком; и канонада была слышна в палате – далеко, далеко – в открытые окна, когда были ясные, солнечные, теп-

лые дни. <...> За последнее время наш госпиталь посылает утром и вечером по 5-ти сестер с врачом на вокзал, для перевязки провозимых раненых. Работает много народа: студенты-медики, сестры других госпиталей в большом зале первого плана под наблюдением профессора из Одессы <Сапежко?>, перевязывают 1000-1200 человек в ночь (несколько <2 сл. нрзб.> 8-12). Тут уж работа настоящая, как на войне; особо прочные перевязки для дороги, быстро, решительно надо работать. Но и сюда впутывается смешное: студенты считают нас опытными, а мы их; и когда трудный случай мы стараемся незаметно подсунуть его студенту, а они нас так прямо просят: «нет уж, это вы, сестрица, перевяжите». Говорит, хотя бы мне, с умоляющим видом студент, особенно, если профессор где-нибудь близко» (28 октября).

Письма Л.Д. Блок открывают в ней немалое мужество, силу духа и благородство. Любовь Дмитриевна почти не жалуется на тяжелые условия работы – скорее она гордится тем, как ей удастся побеждать трудные обстоятельства. Не пытается использовать связи с М.И. Терещенко для облегчения ее положения, разве только просит Блока попытаться отправлять через Терещенко почту, чтобы чаще получать письма (попытка не удалась!). Сообщая, что у нее стали болеть и отекать ноги, она добавляет: «Это у половины сестер бывает в начале их деятельности от беготни и стояния на ногах целые дни», - а в следующем письме спешит сообщить, что ноги почти прошли. Перед Новым годом, уже устав от бесконечной работы и снова мечтая о сцене, она пишет: «У нас есть новые сестры в госпитале, взамен нескольких уехавших. А я опять не чувствую никакой возможности уехать – опять чувствую это, как измену, как бегство, и мне этого ничуть не хочется» (26 декабря 1914). Через месяц она уже подумывает об отпуске и возможном возвращении домой, однако, узнав, что врачи и сестры начали выезжать из госпиталя непосредственно на фронт, сразу же откладывает отпуск: «Я не хочу пропустить свою очередь, если представится – это, конечно, самое «интересное» что будет за всё время; потому не беру отпуск теперь» (19 января 1915). К 1915 г. усиливается тревога за будущий исход военных событий: «...Приближаются

события... в результате путь в Россию может оказаться отрезанным на долго. Ты должен, Лала, обо мне не беспокоиться, если наш госпиталь будет продолжать работать, я буду под защитой и в безопасности, а если нам предоставят вернуться на родину окольными путями, у меня очень много денег» (14 февраля 1914 г.)

Но переписка Блока с женой в эти полгода многое меняет – или проясняет – и в их личных взаимоотношениях. За все полгода в письмах не прозвучало ни одного упрека, не промелькнуло ни тени раздражения. Л.Д. постоянно успокаивает мужа и уверяет, что ей не грозит опасность: «Ты знаешь, что я рада, на войну, так на войну. А ты, Лалалка, не беспокойся, в самый перед мы не попадем, а будем всегда в безопасном районе» (8 сентября 1914). «Я боюсь, что ты обо мне беспокоишься; не надо. Все так хорошо у нас обставлено, будем мы в настоящем госпитале, заразных не будут к нам приглашать – для них специальные бараки. Все для дезинфекций и предохранения себя у нас есть. Словом, Лалалка, меня беспокоит только, чтобы ты не беспокоился. А здесь куда, куда легче дышится, чем в Петербурге; я это чувствую, как все, кто сюда попадает. Мы *не обязаны* носить в уме и сердце те перешний момент; мы – в нем, а не он в нас, это гораздо легче. А уж особенно, когда начнем работать руками – хорошо будет совсем. Так и знай, Лала мой, это тебе трудно, а мне легче, право» (9 сентября). Блок непрестанно старается порадовать ее посылками («игрушками»), стараясь найти okazji: журналы – театральные и модные, духи, конфеты, красивая почтовая бумага, муфта.

Через два месяца после ее отъезда стилистика писем заметно меняется, начинает преобладать домашний шуточный язык: Блок именуется Хозяином, Л.Д. – Зайцем: «Ходил сегодня хозяин, делал приобретения для своего зайца: 1 пакет гостинцу; 1 пакет курительный (10 четверок табаку – получше махорки, 10 трубок из корня, 2000 папирос Тары-Бары); 1 пакет – журналы с картинками и модные – новые, хорошие. Еще пакет будет – муфта (купит О.А. Мазурова – от хозяина, плохая), конфеты от мамы и требуемые книжки

<...> – Наливкой *не* торгуют, говорят – крепкий напиток. Да таким, как ты, вовсе и не надо наливки; еще слишком маленький» (письмо Блока от 19 ноября 1914 г.). Л.Д. охотно подхватывает эти интонации: «Поздравляю Вас с Праздником! Различные народы присоединяются, как то – заяц при исполнении обязанностей – исправно барабанит, слоненок, осел и прочие» (письмо от 19 декабря 1914); «Гостинцу *не* посылай, хозяин, заяц растолстел и хочет воздерживаться от сладкого. Вообще ему больше не надо подарков у него всего «вдосталь», а вот придет, тогда будет канючить у тебя денежек, ты их лучше припаси» (19 декабря 1914 г.), - так все чаще пишутся письма.

Этой бережности, нежности и интимной домашности не мешает даже то, что Л.Д. Блок продолжает при любой возможности видеться с К.К. Кузьминым-Караваевым, который разыскивает ее в госпитале и время от времени пишет ей письма и навещает ее, о чем она неизменно сообщает мужу. Блок, между прочим, информирует Любовь Дмитриевну, что отыскивает имя соперника в списках раненых, публикуемых в газетах. Иногда и он упоминает о своих встречах с Л.А. Дельмас. В ночь на Новый год, 31 декабря он пишет: «Думаю о тебе, моя милая, и еще два имени – одно – мама, а другое – ты знаешь».

Однако именно эти 6 месяцев испытаний укрепляют обоих в убежденности, что окончательное расставание для них невозможно. При первых же слухах о возможной войне Л.Д. предлагает «переписываться почаще», а на следующий день после объявления войны повторяет: «Пиши мне непременно с каждой почтой тоже, понемножку хотя бы» (20 июля). О том же просит ее Блок: «Пиши, пиши, я о тебе думаю постоянно и постоянно с тобой», «без твоих писем бывает иногда особенно трудно», «Боюсь, как бы ты не устала слишком. Думаю постоянно о тебе – напряженно думаю». «Так без тебя все неблагоприятно и грустно и тревожно, что все как-то живешь «пока» и думаешь, что что-то наступит другое». Сами военные события для Блока приобретают особое значение именно из-за того, что жизнь Любви Дмитриевны постоянно подвергается опасности: «Напрасно ты думаешь, что «бубнишь

все про одно». Только это и интересно теперь, по-настоящему. Это – единственное, что связывает людей. Для меня это, кроме всего еще потому на первом месте, что касается тебя», - пишет он в ответ на ее извинения за монотонность писем.

«Главное, ты *будь*. Пиши почаще. Я тобой очень горжусь, ничем так, как тобой», - пишет он 13 декабря. «Видел я у мамы Сережу Соловьева, который приезжал читать доклад в р<елигиозно>-ф<илософском > общ<естве>. Он очень хорошо говорил о тебе: что в тебе было в те времена мальчишеской мистики действительное основание для веры в тебя.

Когда я слышу об этом, или вижу, что склонны так думать, мне делается очень хорошо и грустно. Я-то знал это прежде всех и знаю до сих пор; - и теперь знаю, когда жизнь разделила» (Письмо от 23 декабря 1914 г.).

Л.Д. тревожит мрачное настроение, которое время от времени ощутимо в письмах Блока: «Я тебя очень люблю, и очень хочу тебя видеть и наговорить тебе тысячу всяких «глупостей», чтобы ты развеселился»; «Думай о своём Зайце, который тебя любит», - твердит она от письма к письму. Незадолго до отъезда она пишет:»Я об тебе думаю постоянно, мне трудно рассказать как – я только знаю, что больше всего на свете люблю тебя, куда бы меня ни бросило...» (27 января 1915 г.).

Иногда в письмах прорываются и осторожные мысли о будущем: «Жизнь, пока что, летит и летит. Вокруг меня – много любви, и даже – тень какой-то «славы». Что же будет дальше – с тобой и со мной *вместе?*», - последнее слово в письме от 17 ноября Блок подчеркивает. В письмах 1915 г. эти размышления становятся более заметными. «Пропуская многие и твои и свои мысли, я отвечаю тебе, что только жизнь сама все устроит и поможет там, где, кажется, всего труднее. Пора уже это знать, когда столько пережили. <...> – Жизнь увлекательная, жизнь страшна, но – и милостива» (30 января 1915 г.).

19 февраля 1915 г., уже незадолго до возвращения Любви Дмитриевны, Блок подводит итог тому, что прояснила разлука в час общей катастро-

фы: «Благодарю тебя, что ты продолжаешь быть со мной, несмотря на свое, несмотря на мое. Мне так нужно это».

В кратком сообщении нет возможности исчерпать все содержательные стороны этой переписки. Эти письма отражают и военный быт, и культурную жизнь Петрограда первого года войны (Блок информирует жену о своих издательских делах и планах, о театральные антрепризах, прежде всего – важного для Любови Дмитриевны Мейерхольда, о журнальных новинках и т.п.). Мне пришлось лишь в самых общих чертах коснуться цензورского вмешательства в текст писем Л.Д. при их публикации, - а это интересный материал к истории цензуры военного времени. Мне пришлось лишь упомянуть об условиях работы сестер милосердия в военных госпиталях, - между тем, и этот материал представляет несомненный интерес для истории сестринских общин, и для сравнения с условиями работы военных госпиталей в гражданскую и вторую мировую войну. Сам умеренно-патриотический журнал «Отечество», на страницах которого были опубликованы выдержки из писем Л.Д. Блок, - весьма репрезентативный памятник военной периодики, который тоже требует аналитического обзора и сравнения с периодикой эпохи второй мировой войны.

Извлеченный фрагмент переписки Блока с женой показывает, насколько важна была бы для историков литературы и культуры ее публикация в полном объеме.

Приложение

Журнал «Отечество», 1914. № 4. С. 78-79

Из писем сестры милосердия⁴ Подпись – Л.Б.

---

⁴ Публикация сопровождается фотографией, подписанной: «Транспорт раненых во Львове», сделанной перед подъездом госпиталя.

Киев

...Мы здесь уже совсем по-военному; сижу в вагоне, который стоит на третьем воинском пути. Проходим мимо станционных зданий битком набитых пленными и ранеными австрийцами, (публику не подпускают за полверсты). Австрийцы имеют довольно злой вид, хотя многие вполне апатичны... Пока что – мучительного, связанного с войной – ничего не видали, а занятого очень много: встречаем воинские поезда, спрашиваем друг друга – куда и откуда, солдаты кричат нам «счастливо», а наши – им...

С пути

Свернули сейчас на путь, ведущий прямо т у д а – все прошли здесь... Здесь куда, куда легче дышится, чем в Петрограде; я это чувствую, как все, кто сюда попадает. Мы н е о б я з а н ы носить в уме и сердце теперешний момент; мы – в нем, а не он в нас, это гораздо легче. А уж особенно, когда начнем работать руками – хорошо будет совсем...

...Вчера мы простояли весь день на маленькой станции среди воинских поездов.... Солдаты плясали, пели, сестры давали им папиросы и яблоки... Ночью мы перегрузились в здешние, узкоколейные вагоны и все утро ехали сюда. Вдоль дороги все места боев, но следы еле заметны – тут никаких разрушений, видны только ямки цепей, окопы, целы проволочные заграждения. Вагоны пробиты пулями, стекла выбиты... Бывшие здесь офицеры рассказывают, что в других местах разрушения боев виднее, целые городки снесены...

С места

...Вид завоеванного города производит сильное впечатление. Город европейский, жизнь имеет вид нормальный

... Вечером прошел по улице пехотный полк с песнями и свистом – среди освещенных магазинов...

...В этом здании были последовательно всевозможные учреждения: во время осады тут стояли войска – в парке временные телефонные будки, следы стоянки лошадей. Потом тут был... госпиталь, потом русский (с монахами) и,

наконец, наш. ...В коридорах были *<пробел на две полустроки – цензурная вымарка – Д.М.>* раненые... Несколько дней с 6-ти часов утра до 11 вечера мыли их, переносили в очищенные помещения и перевязывали. Присаживались, буквально на полчаса за обедом, да минут на 10 за чаем, а потом без оглядки валились спать.

... Одному моему пришлось сделать вчера ампутацию ноги. ...Сегодня он уже хохотал над какой-то шуткой.

...Странно, ничего не знаешь, что на свете творится, все куда-то отошло – только вот эти 23 человека и – поспать...

...Сейчас уже на моей совести 45 человек – вчера привезли раненых при .... Приехавшие раненые три дня тому назад были в бою, и рассказы прямо их распирают – трещат все время. *<Пропуск двух с половиной строк – цензурная вымарка - Д.М.>* А эти очень оживленные, хотя все говорят исключительно о невероятных трудностях. Не слышала ни одного хвастливого рассказа...

...Ночью *<Пробел в несколько слов – цензурная вымарка – Д.М.>* дежурят две сестры. Это одно из самых интересных, везде ночники, темные палаты, всю ночь бродишь из одной в другую и делаешь что нужно – шприцы морфия, компрессы. . . Про это только и думаю.

Октябрь

К нам ходит поляк, ксендз, веселый-веселый, некрасивый, маленький; солдаты все его обожают, хохочут с ним, он покупает им табак, яблоки. У меня в *палате четыре мадьяра* и только один из них говорит по-немецки, остальные ни звука. Теперь, когда они стали поправляться, они часами, по очереди, говорят, каким-то эпическим голосом рассказывают без конца, иногда хохочут. Я наконец добилась от говорящего, что это они рассказывают сказки; но вероятно это народный эпос, уж очень занятный тон.

...У половины сестер делается отек ног; это - в начале деятельности, от беготни и стояния на ногах целые дни...

...Дирижабль летал у самых наших окон и сидит вблизи за нашим парком; и канонада была слышна в палате – далеко, далеко, в открытые окна, когда

были ясные, солнечные, теплые дни... За последнее время наш госпиталь посылает утром и вечером по пяти сестер с врачами на вокзал, для перевязки провозимых раненых. Работают студенты-медики, сестры... < Пробел в 2 строки – цензурная вымарка – Д.М.>

Тут уж работа настоящая, как на войне; особо прочные повязки для дороги, быстро, решительно надо работать...

...У меня одному накладывали повязку на перелом ноги, да еще осложненный, без наркоза, так он не пикнул, только зубами скрежетал; в первый раз я услышала, что такое настоящий скрежет зубов...

...Общее настроение у меня, да и у всех сестер без исключения – довольно подавленное – так без причины, казалось бы. Одна сестра, говорит про это состояние: «я не я, лошадь не моя...» Действительно что-то неопределенное, в этом роде – у всех... Сегодня первый снег. Всякий пустяк такой ужасно воспринимается – радуешься чему-то.

...Вчера приезжал автомобиль с Рентгеновскими аппаратами; снимали наших больных, у которых трудно найти пули и определить переломы. Провода проведены в палату первого этажа и там снимают. Света не зажигают, в темные сумерки, светится только шар с зеленовато-желтыми X-лучами, и простая лампочка у аппарата. Фотографии хорошо удались, все видно...

...Сегодня после ночного дежурства я свободна. Это бывает через 8 дней – свободны целые сутки.

